

Р.М. Ханинова (Элиста)

ПЕРВАЯ КНИГА Д. КУГУЛТЫГИНОВА «БАШ НАСНА ШУЛУД» («СТИХИ ЮНОСТИ») В АСПЕКТЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается первая книга Д. Кугультинова «Баһ насна шулууд» («Стихи юности», 1940) в аспекте сохранения молодым автором национальной традиции стихосложения. Историко-функциональный подход к изучению его стихотворений 1939–1940 годов выявил соблюдение поэтом фольклорных традиций калмыцкой версификации, ее отличительных особенностей. Это анафора – звуковая, лексическая, синтаксическая, в структурно-композиционном отношении в текстах анафора преимущественно парная с включением перекрестной и сплошной; аллитерация и ассонанс, параллелизм, произвольная рифмовка, внутреннее рифмы, нерифмованные строки, редкое использование эпифоры и редифа, конечная рифма строго не соблюдается. В структурном плане стихотворения Кугультинова обычно большого объема, не имеют деления на строфы и равного количества слогов в строке. Несовершенство владения национальной версификацией молодым поэтом прослеживается в недостаточном использовании анафоры как ритмико-метрического показателя стиха. Влияние устного народного творчества проявилось в обращении автора к эпосу «Джангар», к легендам и преданиям, к афористическим жанрам (пословицы, поговорки), к художественно-образовательным средствам.

Ключевые слова: первая книга; Кугультинов; историко-функциональный аспект; фольклорная традиция; калмыцкая версификация.

Р. Ханинова (Элиста)

Д. Кугультинов's First Book 'Bar Nasna Shiluid' ('Poems of the Youth') in Relation to Preservation of the National Versification Tradition

Abstract. The article considers D. Kudulitnov's first book 'Bar Nasna Shiluid' ('Poems of the Youth', 1940) in relation to the young author's effort to preserve the national versification tradition. A historical and functional approach to studies of his 1939–1940 poems revealed that the poet had adhered to the Kalmyk folklore versification traditions and their certain features. Those included anaphora – sound, lexical, and syntactical ones (it terms of structure and composition, he mainly used double anaphora interspersed with cross and continuous ones) and alliteration, assonance, parallelism, random rhyming, internal rhymes, unrhymed lines, rare use of epiphora and redif, non-strict observance of the end rhyme. Structurally, Kudulitnov's poems are usually large enough, and are neither divided into stanzas nor contain equal number of syllables per line. The young poet's lack of mastery in the national versification can be traced in his insufficient use of anaphora as a rhythmical-metrical poetic factor. Influence of the oral folk tradition manifests itself in the author's references to the *Jangar* epic, legends and tales, aforistic genres (proverbs, sayings), artistic and pictorial devices.

Key words: first book; Kudulitnov; historical and functional aspect; folklore tradition; Kalmyk versification.

Ранние стихи калмыцкого поэта Давида Никитича Кугультинова (1922–2006), известные по газетным и журнальным публикациям, относятся к 1939–1940 гг. Большая часть стихотворений без указания года их создания составила первую книгу поэта «Баһ насна шулууд» («Стихи юности», 1940). Калмыцкий алфавит на кириллице в книге соответствовал реформе родного языка довоенного времени. В дальнейшем избранное из этих текстов включалось в авторские сборники, в многочисленные издания собраний сочинений и избранных произведений. Открывает сборник стихотворение «Умшачнрт» («Читателям»). Затем следуют тексты: «Күнжэн дуучд» («Мушкетеру певцу»), «Нерн» («Имя»), «Жандрин оруулһинд» («Первому «Джангара») с посвящением «С. Липкинд» («С. Липкину»), «Маяковски» («Маяковскому»), «Дэч үүргэн» («Вину-товарищу»), «Багшнрган» («Учителям»), «Бичт» («Письмо»), «Дилдр» («Победа»), «Түрүн пасн» («Первый снег»), «Шин жилд» («Новому году»), «Хойр Төрөш» («Две Тетраши»), «Хавр» («Весна»), «Хавар» («Весной»), «Майн нег шин» («Первое Мая»), «Күлгәһн» («Ожидание»), «Күүкне дун» («Девичья песня»), «Ухалһн» («Размышление»), «Зестә хар нунд...» («Черные глаза...»), «Жирһл» («Жизнь»), «Көкрн гүн уста...» («У синей быстрой воле...»), «Чини чиреч...» («Твое лицо...»), «Сард» («Луне»), «Жандрч күүкн» («Девушка-джангарчи»), «Демон» («Демон»), «Селги харһн үүрм...» («Мой сердечный друг...»), «Өнтрн дурн» («Прощедай любовь»), «Керо күн» («Ненужный человек»), «Зурт» («Фотография»), «Поэт» («Поэт»), «Ухан» («Ум»), «Зунин асхар» («Летней ночью»), «Чингс» («Чингис»), «Шам шагна...» («Лама говорит...»), «Керм дээр» («На парохолде»), «Крыль» («Крыль»), «Сохр кевун» («Слепой мальчик»), «Дан» («Война»), «Би, Борис болн чин» («Я, Борис и ты»), «Альман» («Яблоко»), «Уягин сө» («Зимняя ночь»), «Санхинь, индн күрн...» («Как вполном, смех разбирает...»), «Сәэхн баһ насанм үр, гемим тәв...» («Младых прекрасных лет товарищ мой, отпусти вино...»), «Хурт» («В дождь»), «Эзнанһн харт ноха омта...» («Возле хозяина собака смедей...»), «Орм ута нисеч» («Летун»). Эти 46 стихотворений знакомили читателей с художественным миром молодого поэта.

«Признание ему приносит уже первый поэтический сборник “Стихи юности”! – писал В. Пiorвеев. Фактом такого признания стал прием в Союз писателей СССР восемнадцатилетнего автора в 1940 г.

Первая книга Д. Кугультинова не была объектом и предметом исследования в калмыковедении, отдельные упоминания о ней давались в связи с жизненным и творческим путем автора. Единственная рецензия появилась в декабре 1940 г. «Стихи Кугультинова, являются ли они политическими или лирическими, по своему характеру патриотичны?» – заметил Г. Шалбуров. К недостаткам сборника им отнесены поверхностное изображение жизни («Победа»), длинноты и прозаизм («В дождь»). Современный критик Ю. Розенблом подчеркнул, что «стихи, составившие первый сборник, были очень разные, но каждый по-своему приоткрывал одну из граней

богатого таланта Давида Кутулыгинова. И, может быть, каждый из них намегал ту своеобразную линию поэтического мастерства, которая с годами получит свое дальнейшее развитие³. В кратком обзоре калмыцкой поэзии 1930-х гг. Н. Мусова выделила книжный дебют Кутулыгинова, отметив, что его ранние стихи во многом еще неровны по своему поэтическому качеству⁴.

Несколько программных произведений Д. Кутулыгинова – «Умшанрт» («Читателю»), «Кункен дуучд» («Мудрому певцу»), «Жанфрч куукен» («Девушка-джангарчи»), «Жанфрин оруулднд» («Переводу “Джангара”»), «Маяковский» («Маяковскому») – объединены дидактическим началом, характерным для фольклора и ранней советской калмыцкой поэзии, фольклорной традицией (пословицы, поговорки, легенда, эпос «Джангар», версификация), патристическим пафосом, гражданской позицией, трудным энтузиазмом в строительстве социализма, учебной у русской литературы. Для калмыцких поэтов устное народное творчество стало ориентиром в художественном мире, аксиологической точкой отсчета прошлого, настоящего и современности.

Для первой книги Д. Кутулыгинова характерно авторское стремление сохранить традиции калмыцкого стихосложения, отличительной особенностью которого является единоначатие или анафора. В монгольской версификации к ней относятся как начальная аллитерация, так и начальная ассонанс. Сам поэт позднее отметил это своеобразие: «Калмыцкое стихосложение отличается от русского уже тем, что рифмуодниесе слова стоят в начале строки»⁵.

Особенности калмыцкой версификации в поэзии Д. Кутулыгинова не до сих пор изучены. В статье поэта Т. Бембеева «Традиции и новаторство калмыцкого стихосложения» (1980) приводится несколько примеров из лирики Кутулыгинова. Один из них, по словам автора, касается тематического параллелизма: «Моба мет мелкед од. / Модн мет уйдад од. Подобно змею извивайся. / Подобно пруту изгибайся. Д. Кутулыгинов (подстрочный перевод)»⁶. Добавим, что это пример также звуковой, лексической, синтаксической анафоры и концевой парной рифмы с использованием редифа («од»), с аллитерацией на букву м. Такой же пример с использованием анафоры и редифа («му»): «Купс эс буслен хот – элжид му. / Купс эс ухахен уг – седжид му»⁷. Другой пример приведен Бембеевым как свидетельство сохранения, приумножения и ширяния национального своеобразия калмыцкого стиха: «Цогцан даарн кемларн / Цогин зарьд дулал. / Седжлен туну кемларн / Сазхн дурьд дулал. Когда тебе холодно, / У огня погрейся. / Когда душе холодно, / Любавью погрейся. Д. Кутулыгинов. 1957 (подстрочный перевод)»⁸. Здесь парная анафора звукового, лексического и синтаксического типов с перекрестной концевой рифмой.

В первой книге Кутулыгинова «Умшанрт» («Читателю») – это монолог юного поэта, формулировавшего в начальных четверех строках свое поэтическое кредо, утвердившего, что суть истинного слова, став поэтической вицей, прославится, что правдивое слово станет поучением для молодежи:

«Унн утин утх / Улгур болж туурдл. / Бийиннь ун келен / Балд сурлмж болдл»⁹. При этом автор опирался на калмыцкую поговорку: «Унн ут келвл, хөөтндэн цогта, / Худл уг келвл, өмнен цогта» («Будешь говорить правду – впереди слава, / Будешь говорить ложь – впереди бесчестье»)»¹⁰. Перефразируя калмыцкую поговорку о том, что язык острее меча («Келн улдл орхнь хурд»)»¹¹, т.е. слово победит там, где не справится булав, он уточнил, что это может сделать только талантливое слово: «Болдин эс дилител / Билтин уг дилдл»¹². Молодой автор просил читателей прочесть его песню с улыбкой, ведь и они когда-то любили, пусть они увидят нашу прекрасную жизнь и не судят строго, если не отточены еще его слова, и примут эту книгу благосклонно за ее правдивость. «Мини бичен дуудм / Мишаж таанр умшгн, / Би чгнл цатган / Бас дурдлавл гитн. / Эврэннь жирхэд узжэх / Энкр мана жирхлит. / Дежел эн минн / Детр умшад угтн, / Утин хурд эс болвчн / Ундннь хандлг келтн»¹³.

Стихотворение не выделено строфической, включает 18 строк. В каждой из строк по три слова. В стихотворении используется анафора на двух уровнях: 1) парная аллитерация и парный ассонанс. За исключением 3-4-5-6-строк все остальные строки имеют парную анафору в виде начальной аллитерации на согласные буквы б, д, м (Бийиннь/Балд, Болдин/Билтин, Давад/Дун, Би/Бас, Дежел/Детр). В отдельных строках – звуочные начальные слоги: Минн/Мишаж, Парная анафора в виде начального ассонанса на гласные у, э (Унн/Улгур, Эврэннь/Энкр, Угин/Ундннь). Анафора является показателем начала строки и ритмическим определителем текста.

Поэт стремился и к концевой рифме, не совсем характерной для калмыцкой версификации, но не всегда соблюдал ее. Придерживаясь он перекрестной рифмовки. В первых четырех строках зарифмованы два глагола: туурдл/болдл (прославиться/стать), в последующих четырех строках – все четыре слова: дилител/дури, дилитлг/сергелг (не побеждать/любовь/победить/возродит). В следующих четырех строках – только два слова: умшгн/гитн (читайте/скажете). В заключительных шести строках рифма есть в двух глаголах: угтн/келтн (увидите/скажете). Уже в этом стихотворении явственна связь с устным народным творчеством, апелляция к мудрости предков и правде, дидактичность, установление диалога с потенциальным читателем, следование традициям калмыцкой версификации (анафора, аллитерация, ассонанс).

Стихотворение «Кункен дуучд» («Мудрому певцу») в своем названии манифестировало пиетет начинающего поэта к создателю эпоса «Джангар». Это своего рода просьба к народу о благословении на поэтическом поприще, связь поколений. По мнению Ю. Розенблума, «патетическая интонация стихотворения определяется его идейной направленностью, чувством гордости поэта-комсомольца за свой народ “из страны обновленной”»¹⁴. «Сонн дууч, сонстн, / Сталинэ алдр хардврта / Социализмн шивэ тосхачен / Сай баатрмудлин орнаев»¹⁵. В смысловом переводе: «Замечательный певец, послушайте, я из страны миллионов богатырей, которые под руководством великого Сталина построили дворец социализма».

Стихотворение переведено Д. Бродским в разное время под двумя названиями: «Гворцу „Джангара“» и «Джангарчи». Переводчик в статье «О калмыцкой литературе» (1939) указал на оригинальность национальной фольклорной формы: «Стих насквозь пронизан аллитерациями (в начале строк главным образом), внутренними рифмами, чистыми звуковыми перекличками, завершенношными в созвонии читателя или слушателя мысль и чувство, — этот стих переяло большинство калмыцких поэтов»¹⁶.

Кутулыгиновское стихотворение «Күнкен дуучад» из 66 строк представляет собой сплошной текст, в каждой строке по три слова с разным количеством слогов. Оно инструментовано в основном парной анафорой с использованием аллитерации (например, **Жирблин/Житга/Багтрулдин/Бахж**) и ассонанса (например, **Өнр/Өрчдэн**), (**Урын/Ухань**), четырехжды дана сплошная анафора (**Жилмудин/Жанһриг/Житга/Жанһрин**), (**Сонь/Стагна/Социализмин/Сай**), (**Нарь/Намар/Наснь/Ниргж**), (**Өрдэнь/Өрчидар/Оли/Онытатар**)¹⁷. Помимо звуковой анафоры автор ввел синтаксические анафоры (например, «Урьнь утар маттисен, / Ухань билтер теткден»), («Өрчлгин чирь солгьдв, / Омита дун күнквн»). Единичен прием инверсии («Ханлт өргжэнэ танл» = «Благодарность выражаю вам»). Рифмовка в этом тексте произвольная: перекрестная (**аймудин/орулсн/диллһсиг/дуулсн**), парная (**уста/ухата**), чаще строки даны без рифмовки. Есть внутренние рифмы (например, «Хальмгын өрн тегесе / Ханлт өргжэнэ танл»), («**Хаврас хавр күртл**»). Конечная рифма в строке иногда мужская, но сама рифма редко соблюдается.

Б. Я. Владимиров в своей работе («Монголо-ойратский героический эпос» подчеркнул: «Рифма часто отсутствует, своеобразная рифма монгольского стиха, остававшаяся в внимании не на конце, а на начале стиха: в ойратских эпосах рифмуются обычно по началу два стиха, образуя одно целое, строфу»¹⁸. Например, в эпосе «Джангар»: «[Эртин] эки цагт **һарсн**, / Эн олн бурхдын шажн делгтр цагт **һарсн**, / Так Зула хаани улдл, / Танет Бумб хаани **ач**, / Узн алдр хаани **көвүн** / Уйин энчн Жанһр билэ»¹⁹. Кутулыгинов сравнил эпос с началом начал калмыцких слов, с родником остроумия («Хальмг үгмудин эки, / Хурп келне булт»), воздав должное гению народа, который обрел обетованную страну Бумбу.

Если в этом произведении сказитель — мужчина, что было распространённым явлением на протяжении веков, то в другом стихотворении «Жанһрч күүкн» («Девушка-джангарчи») поэт передал легенду о первом джангарчи, именовой два варианта в гендерном плане. Герой-джангарчи назван В. Бергманом, пересказавшим один вариант, калмыцким Орфеём²⁰. Отдавая предпочтение варианту легенды с героиней²¹, Кутулыгинов, с одной стороны, указал своим выбором этого варианта легенды на то, что были и женщины-джангарчи, с другой — подчеркнул создающее начало, связанное с женщиной, с третьей стороны — красоту слова и его исполнительницы. Эпиграфом («Жилмуд олн хооранд / Жанһриг түрүн / Дуульсн, / Бер болдг уга / Вахн күүкд күн, / *Жанһрч өегне келснас*»)²² автор актуализировал связь легенды с современностью. В смысловом перево-

де: «Много лет тому назад первой зашла о Джангаре молодая девушка, не ставшая еще женой. Из слов старика-джангарчи». Стихотворение из 36 строк не поделено на строфы. В синтаксическом плане текст делится на две неравномерные части: в первой — четверостишие, во второй — остальные 32 строки, соединенные запятыми. Стихотворные строки с разным количеством слогов, вначале по три слова в строке, затем по четыре слова, в конце текста вновь по три слова. Анафора в этом произведении также в основном парная, звуковая, за исключением одной сплошной анафоры (**Жилга/Жидлин/Жанһрин/«Жанһр»**). Рифмовка произвольная, нет четкой рифмы.

Обращение к другой теме — к переводу эпоса на русский язык — для Кутулыгинова явилось фактом признания мирового значения национального памятника. 500-летие которого отмечалось в 1940 г. в Элисте. Стихотворение «Жанһрин орулдинл» посвящено переводчику «Джангара» Семену Липкину, чей труд был издан в том же году. «Хальмг „Жанһриг“ орсин / Хаарта келнд орулсн, / Вахн дууч чамд, / Би ханлт келжэнэв, / Керта керг кесин / Кумн санхд илжэнэв»²³. В смысловом переводе: «Тому, кто перевел калмыцкий „Джангар“ на великий русский язык, я, молодой певец, выражаю благодарность за то, что он сделал нужное дело, верю, что все это будет помнить». Стихотворение состоит из 76 неравносложных строк по 3 или 4 слова в строке, не делится на строфы, с разного типа рифмовкой — парной, перекрестной, в том числе в сочетании с нерифмованными строками. Анафора в тексте преимущественно звуковая, парная (**Кесг/Кумнь**), с тремя сплошными анафорами (например, **Өргн/Өлн/Өвлин/Өнчнэ**), с внутренними рифмами (**Кергта керг кесинч**).

Кутулыгинов ввел в текст строки из эпоса о стране обетованной, в которой никто ничего не делит на «твое» и «мое», в которой нет зимы, а есть весна, нет лета, а есть осень: ««Тана мана уга бэдэ» / Төркнүр тер кумиг дуудла, / «**Өвг уга хаврта**, / зун уга намрта» / Эвржжта сээн төрскн күлдһлэ...»²⁴. Сравним в эпосе — в этой стране нет зимы, только весна, нет лета, только осень: «Увг уга хаврин кевар, / Зун уга намраһар бэдлг»²⁵. В научном переводе: «[Там] зимой — по-весеннему, летом же — по-осеннему»²⁶. В художественном переводе: «Осень сменялась там весной»²⁷. С. Липкин в статье «Работа над переводом Джангариды» (1940) указал на оригинальность калмыцкой рифмы: «В эпосе преобладает анафора, то есть стихи начинаются на одну и ту же букву или группу букв. По-русски такая рифма почти не ощущается; анафора как система рифмовки не свойственна русскому языку, русскому стихосложению. Поэтому в переводе анафора заменена нашей старой знакомой — концевой рифмой; но, чтобы читатель получил представление о звучании калмыцкого стиха, нередко применяется анафора, не исключая, однако, концевой и даже внутренней рифмы...»²⁸.

В сюжетном плане стихотворение Кутулыгинова построено на сопоставлении древних времен и современности. Джангарчи выражал уверенность, что придет Джангар с Хонгором, поведут в бой против всех врагов

и принесут народу счастье. «Жандр, Хондр ирлехэ, / Хортмудин өмнэс кетлж, / Хуув магнд өлхэхэ»²⁹. Сбылась эта мечта через много времени, когда страна хана Джангара Бумба явилась народу: «Жилмуд дав, сонын жилмуд, / Жандрин Бумбин орн ирв, / Кудлэн хальмгуд ода күлв»³⁰. Этот мотив призывает эпических богатырей для защиты родины Кутулыгинов повторил в стихотворении «Жандр, Хондр, альдыт?» (1942): «Жандр, Хондр, альдыт? / Жид, баглан өгит!»³¹. В смысле слова переводом: «Джангар, Хондр, где вы? / Дайте копыта, секеры свои!». Сравним в переводе П. Карпа: «О, Джангар и Хонгор, где вы с ватшей силой? / Отдайте сегодня мечи свои мне...»³². По мнению Ю. Розенблома, «обращение к легендарным героям воспринимается как воскрешение славных боевых традиций калмыцкого народа»³³.

Стихотворение «Маяковский» («Маяковскому») отразило знакомство калмыцкого поэта с мировой литературой (Пушкин, Байрон, Шекспир), представление о социально ангажированной поэзии В. Маяковского, каральное на страже истинной правды: «“Маяковский, чини үнд, / Манач”, — тиж келнэв...»³⁴. Рассказывая, как познакомился с лирикой поэта, будучи пионером, Кутулыгинов напомним оценку Сталина, назвавшего Маяковского лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи: «Сталин туут тасж, / Сан поэт гила»³⁵. Он отметил новаторство поэта в области революционного языка — создание новых рифм: «Революцин келер келд / Шин рифм кертлгдл...»³⁶. Но сам в своем стихотворении обошелся без революционной «лесенки», обратившись к ней в конце 1950-х гг. Указав на авангардную роль Маяковского в создании советской поэзии, сравнил его поэтический язык с артиллерийскими снарядами: «Баахн мана поэзия / Бийиннь ардае кетлгд. / Тууна шин кельн / Товин сумнда элдлгд»³⁷. Несмотря на то, что есть калмыцкое слово «шүүлгэн» («поэзия»), поэт использовал русский эквивалент (поэзия) на калмыцкий лад (поэзий), термин «рифмы» дан с калмыцким окончанием («рифмэр»); по-калмыцки рифма — даршт. Перефразируя классика, он подтвердил, что великим памятником Маяковскому навечно станет построенный в боях социализм. «Ноолданд тосхлэн социализм, / Маяковский, чамд, / Нурушго алдр бумблв / Мөндк болв»³⁸. Заслугу Маяковского автор увидел в том, что тот защищал рабочий класс, спел свою мудрую песню, поэтому его читают все (в том числе калмык, татарин, казах), поэтому он вечно будет живым. «Хальмг, магнд, хасг, / Хунар, чамга оншж, умшна, / Көдлмшч класс харсынган, / Кункен дуусан дуулсганд, / Маяковский, сонс, чи, / Мөнкэ амд бээхү!»³⁹. Это разговор калмыцкого поэта с русским классиком, тема назначения поэта и поэзии. Стихотворение также большого объема (69 строк), сплошной текст с разносложными строками, с произвольной рифмовкой и рифмой. Здесь также в структурно-композиционном плане использована анафора в основной парной, но есть перекрестная (Болв/Төнткн/Бөдлгчкен/Түт), сплошная (Тууна/Товин/Төрскэн/«Тенуна»), строки с нарушением анафоры (Пушкин!/Байрон!/Шекспир!/Цепи).

Стихотворение «Эзнаннь харт ноха омгта...» («Возле хозина собака смелей...») из 12 строк интересно тем, что помимо анафоры звукового,

(39/т/чмчм/нн/дл), лексического (эзнаннь/эжиннь), синтаксического видов (первые две строки и последующие) инструментально эпифорой — коленной одинаковой рифмой, которая повторяется 12 раз: слово «омгта», в контексте оно обретает оттенки значений (гордый, заносчивый и т.д.). В стихотворении поэт обратился к народной пословице, подчеркнув: «Эзнаннь харт ноха омгта, Эжиннь өөр куулд омгта»⁴⁰. В смысле слова переводом: «Возле хозина собака смелей, / Возле матери дети уверенней».

Итак, все стихи в дебютной книге Д. Кутулыгинова не имеют строфики, текст обычно большого объема, отсюда часто длинноты, описательность. Версификационные уровни следующие: анафора — звуков, лексическая, синтаксическая; в структурно-композиционном плане преимущественно парная в сочетании с перекрестной и сплошной, иногда нарушение единоначатия, аллитерация и ассонанс; рифма (частичное соблюдение рифмы, эпифора, редиф, внутренние рифмы, сочетание рифмованных и нерифмованных строк); рифмовка (парная, перекрестная, сплошная, чаще произвольная), параллелизм, инверсия. Первая книга Д. Кутулыгинова «Стихи ноности» продемонстрировала попытки автора обогатить традицию калмыцкого стихосложения, которой мастерски овладел в дальнейшем, затем он синтезировал национальное и европейское, например, в конце 1950-х гг. использовал строчную «лесенку», а в 1976 г. — верлибр (свободный стих)⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дюреев В. Он душу подарил народу своему // Не погаснет разума звезда. О жизни и творчестве Давида Кутулыгинова. Элиста, 2007. С. 124.
- ² Шалбуев Г. «Стихи ноности» // Ленинский путь. 1940. 30 декабря. С. 2.
- ³ Розенблом Ю. Давид Кутулыгинов. М., 1969. С. 36.
- ⁴ Мурова Н.Н. Поэзия // История калмыцкой литературы: в 2 т. Т. II. Советский период. Элиста, 1980. С. 114.
- ⁵ Кутулыгинов Д.Н. Из автобиографии // Кутулыгинов Д.Н. Утоление жажды: сказки, рассказы, очерки, статьи, страницы автобиографии. Элиста, 1966. С. 211.
- ⁶ Бембеев Т. Традиции и новаторство калмыцкого стихосложения // Закономерности формирования и развития калмыцкой советской литературы. Элиста, 1980. С. 160.
- ⁷ Бембеев Т. Традиции и новаторство калмыцкого стихосложения // Закономерности формирования и развития калмыцкой советской литературы. Элиста, 1980. С. 156.
- ⁸ Бембеев Т. Традиции и новаторство калмыцкого стихосложения // Закономерности формирования и развития калмыцкой советской литературы. Элиста, 1980. С. 163.
- ⁹ Кегитин Д. Вах насна шүүлд. Эпст. 1940. X. 3.
- ¹⁰ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б.Х. Тодяевой. Элиста, 2007. С. 403.
- ¹¹ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б.Х. Тодяевой. Элиста, 2007. С. 255.
- ¹² Кегитин Д. Вах насна шүүлд. Эпст. 1940. X. 3.
- ¹³ Кегитин Д. Вах насна шүүлд. Эпст. 1940. X. 3.
- ¹⁴ Розенблом Ю. Давид Кутулыгинов. М., 1969. С. 41.

- ¹⁵ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 5.
¹⁶ Бродский Д. О калмыцкой литературе // Ленинский путь. 1939. 8 августа.
¹⁷ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 4, 5, 6.
¹⁸ Владимирцов Е. Я. Монголо-ойратский героический эпос // Владимирцов Е. Я. О Джангаре. Элиста, 1967. С. 48–49.
¹⁹ «Джангар». Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М., 1990. С. 10.
²⁰ Берзгин В. Песнопение // «Джангар». Материалы и исследования. М., 2004. С. 9–11.
²¹ Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / Сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста, 2004. С. 53.
²² Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 45.
²³ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 13.
²⁴ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 11.
²⁵ «Джангар». Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М., 1990. С. 11.
²⁶ «Джангар». Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М., 1990. С. 197.
²⁷ «Джангар». Калмыцкий героический эпос / пер. с калм. С. И. Липкина. 5-е изд. Элиста, 1989. С. 21.
²⁸ Липкин С. Работа над переводом Джангарияды // Ленинский путь. 1940. 7 сентября. С. 3.
²⁹ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 12.
³⁰ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 12.
³¹ Көзлтин Д. Уудармудин хуранду. Кудун ботыга. 1-гч боть. Эпст. 1981. X. 35.
³² Кудуйтинов Д. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения, поэмы / пер. с калм. М., 1988. С. 25.
³³ Розенблум Ю. Б. В поисках волшебного амулганга. Портрет калмыцкой литературы. М., 1976. С. 97.
³⁴ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 15.
³⁵ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 15.
³⁶ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 15.
³⁷ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 15.
³⁸ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 16.
³⁹ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 16.
⁴⁰ Көзлтин Д. Ваһ насна шулгуд. Эпст. 1940. X. 84.
⁴¹ Бембеев Т. Традиции и новаторство калмыцкого стихосложения // Закономерности формирования и развития калмыцкой советской литературы. Элиста, 1980. С. 164.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Ручигеев В. On dushu rodani! patodu svoemu [He Gave His Soul to the People]. *Ne roganet razima zvezda. O zhizni i tvorchestve Davida Kugul'tinova* [May the Star of Sense Shine Ever. About D. Kugul'tinov's Life and Works]. Elista, 2007, p. 124. (In Russian).
2. Musova N.N. Poeziya [Poetry]. *Istoriya kalmytskoy literatury* [History of

Kalmyk Literature]. in 2 vols. Vol. 2. Sovietsky period [The Soviet Period]. Elista, 1980, p. 114. (In Russian).

3. Bembeyev T. Traditsii i novatorstvo kalmytskogo stikhozhzheniya [Traditions and Novelties of Kalmyk Verseification]. *Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya kalmytskoy sovetkoy literatury* [Patterns of Formation and Development of the Kalmyk Soviet Literature]. Elista, 1980, p. 160. (In Russian).
4. Bembeyev T. Traditsii i novatorstvo kalmytskogo stikhozhzheniya [Traditions and Novelties of Kalmyk Verseification]. *Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya kalmytskoy sovetkoy literatury* [Patterns of Formation and Development of the Kalmyk Soviet Literature]. Elista, 1980, p. 156. (In Russian).
5. Bembeyev T. Traditsii i novatorstvo kalmytskogo stikhozhzheniya [Traditions and Novelties of Kalmyk Verseification]. *Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya kalmytskoy sovetkoy literatury* [Patterns of Formation and Development of the Kalmyk Soviet Literature]. Elista, 1980, p. 163. (In Russian).
6. Vladimirov V. Ya. Mongolo-uyratskiy heroicheskiy epos [The Ornat-Mongolian Heroic Epic]. *Vladimirov V. Ya. O Dzhingre* [About the Jangar]. Elista, 1967, pp. 48–49. (In Russian).
7. Bergman V. Pesnenie [Chanting]. "Dzhangar". *Materialy i issledovaniya* [The Jangar (Epic): Materials and Studies]. Moscow, 2004, pp. 9–11. (In Russian).
8. Bembeyev T. Traditsii i novatorstvo kalmytskogo stikhozhzheniya [Traditions and Novelties of Kalmyk Verseification]. *Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya kalmytskoy sovetkoy literatury* [Patterns of Formation and Development of the Kalmyk Soviet Literature]. Elista, 1980, p. 164. (In Russian).

(Monographs)

9. Rozenblyum Yu. David Kugul'tinov [David Kugul'tinov]. Moscow, 1969, p. 36. (In Russian).
10. Rozenblyum Yu. David Kugul'tinov [David Kugul'tinov]. Moscow, 1969, p. 41. (In Russian).
11. Rozenblyum Yu. V. *V roitskakh vol'shebnogo amulganга. Portret kalmytskoy literatury* [In Search of the Magic Amulgan. A Portrait of Kalmyk Literature]. Moscow, 1976, p. 97. (In Russian).

Римма Михайловна Ханинова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научно-го Центра Российской академии наук.
 Научные интересы: поэтика, русская литература, калмыцкая литература и фольклор, калмыцкая поэзия, перевод.
 E-mail: khaniнова@bk.ru

Римма Ханинова – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: poetics, Russian literature, Kalmyk literature and folklore, Kalmyk poetry, translation.
 E-mail: khaniнова@bk.ru